Ч49—
843

Ч 49 — 843

Н. Л. Ретвихъ.

РУССКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ИМПЕРІЯ.

(Критика теоріи проф. В. В. Ивановскаго).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія А. Лейферта, Бол. Морская, 65.
1898.

дубл 61
кф

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 Октября 1898 г.

Государ. публ...
Историческая
Библиотека РСФСР
№ 20560 1965

РУССКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ИМПЕРІЯ.*)

Проф. Казанскаго Университета В. В. Ивановскій издаетъ свои лекціи подъ заглавіемъ «Русское Государственное право»; томъ 1-й

---

*) *За реальную унію высказываются*:

Чичеринъ Б., проф. „Курсъ Государственной науки". Ч. I „Общее государственное право", Москва 1894 г., стр. 183; ч. III „Политика", Москва, 1898 г., стр. 275—276;

Романовичъ-Славатинскій, проф. „Система русск. госуд. права". 1886, т. I, стр. 12;

Даніельсонъ, „Соединеніе Финляндіи съ Россійскою державою". 1890;

Engelman, Das Staatsrecht des Russischen Reiches. 1889, стр. 12;

Mechelin, Das Staatsrecht des Groszfürstenthums Finland. 1889;

Heffter-Geffcken, Völkerrecht, 1881, § 49; *Brie* im Grünnhuts Zeitschrift, XI, стр. 105.

Противоположнаго же взгляда (инкорпораціоннаго) держатся слѣдующіе ученые:

Алексѣевъ, А. С. проф., „Русское Госуд. Право", изд. 4. Москва, 1897, стр. 195—199;

Куплеваскій, Н. О. проф., „Русское Госуд. Право". Харьковъ 1894, стр. 46—48;

Коркуновъ, Н. М., проф. „Русское Госуд. Право". Спб. 1892, т. I, стр. 137—147;

Его-же. „Финляндское Великое Княжество" въ юридич. лѣтописи, 1890, стр. 317—329;

Мартенсъ, Ф., проф. „Современное международное право цивилизованныхъ народовъ". Спб. 1887 г., т. I, стр. 246—247;

Таганцевъ, проф. „Высочайшій Манифестъ 1/13 дек. 1890 г." въ юридич. лѣтописи 1891, № 2.

Ординъ, К., „Покореніе Финляндіи" 1889 г.;

Его-же, „Конституція Финляндіи въ изложеніи мѣстнаго сенатора А. Мехелина". Спб. 1888 г.;

Пергаментъ, М. „Юридическая природа реальной уніи". Одесса, 1893, стр. 90—104;

Holtzendorf, Handbuch des Völkerrechts, 1887, т. II, стр. 130;

Jellinek, Die Lehre von den Staatenverbindungen, 1882, стр. 71;

Oppenheim, System des Völkerrechts, 1845, стр. 109;

Rivier, Lehrbuch des Völkerrechts, 1889, стр. 103;

Beach-Lawrence, Commentarie, 1868, т. I, стр. 342.

Вышеприведенная литература является въ финляндскомъ вопросѣ главнѣйшею

этихъ лекцій уже появился въ печати [1]). Мы, конечно, не будемъ останавливаться на разсмотрѣніи всей этой работы, а позволимъ себѣ познакомить нашихъ читателей, не имѣющихъ возможности слѣдить за ученой литературой по государствовѣдѣнію, только съ частью этого труда, именно съ тою, гдѣ излагается вопросъ о мѣстныхъ установленіяхъ одной изъ нашихъ окраинъ—Финляндіи.

Прежде чѣмъ перейти къ самимъ установленіямъ, проф. В. В. Ивановскій задается вопросомъ, въ какомъ отношеніи находится Финляндія къ Россіи, присоединена ли она на основаніи инкорпораціи или на основаніи реальной уніи. Какъ ни странно, но ученый положительно высказывается за унію, именно, онъ говоритъ, что... «Если такимъ образомъ, въ Финляндіи существуютъ особые законодательные органы, то значитъ есть и особое законодательство, значитъ должна быть допущена и особая верховная власть, а вмѣстѣ съ тѣмъ Финляндія должна быть признана и особымъ государствомъ, соединеннымъ съ Россіей личностью Императора». (314 стр.). Установивъ этотъ тезисъ, авторъ прибавляетъ: «чуждые всякой политики, мы должны разсмотрѣть этотъ вопросъ исключительно съ научной точки зрѣнія». Вслѣдъ за этимъ, проф. приводитъ мнѣнія, по которымъ Финляндія *только* провинція, но не государство, а затѣмъ перечисляетъ соображенія, вслѣдствіе которыхъ нѣкоторые ученые считаютъ Великое Княжество страною, состоящей въ реальной уніи съ Россіей. «Во всѣхъ вышеприведенныхъ соображеніяхъ, говоритъ авторъ, необходимо разобраться, сдѣлать имъ юридическую и логическую оцѣнку, имѣя при томъ въ виду исключительно интересъ науки и не касаясь вопроса съ точки зрѣнія политики». Это двукратное обѣщаніе, что вопросъ будетъ разсматриваться съ научной точки зрѣнія, а не съ политической, и что оцѣнка мнѣній защитниковъ реальной уніи будетъ произведена со стороны юридической и логической, заставило насъ весьма внимательно и осторожно отнестись къ труду почтеннаго ученаго. Къ сожалѣнію, критическое отношеніе къ тезису и къ его разработкѣ проф. В. В. Ивановскимъ привело насъ къ совершенно противоположному выводу: именно, ни со стороны

---

[1]) Подробную рецензію см. „Журналъ Юридическаго Общества“ за 1896 г. №№ 4 и 9; за 1898 г. №№ 3, 4 и 6.

исторіи, ни со стороны логики, ни со стороны основъ конституціоннаго государственнаго права, Финляндію нельзя разсматривать, какъ самостоятельное политическое цѣлое, управляющееся на основаніи своихъ конституціонныхъ органическихъ законовъ. Ученые защитники инкорпораціи говорятъ, что рѣшительное большинство иностранныхъ писателей считаетъ Финляндію инкорпорированной провинціей, очевидно, на томъ основаніи, что завоеванная страна можетъ быть только провинціей. На это проф. возражаетъ, что «ссылка на иностранныхъ ученыхъ для объясненія явленій русской жизни, или хотя бы даже отношеній между Россіей и Финляндіей, гдѣ и сами русскіе не могутъ еще разобраться и гдѣ, во всякомъ случаѣ, требуется основательное знакомство съ мѣстною жизнью и законодательствомъ, едва ли убѣдительны; кромѣ того, читаемъ далѣе, «въ мнѣніяхъ иностранныхъ ученыхъ относительно Финляндіи нѣтъ никакого единодушія; по однимъ это инкорпорированная провинція, по мнѣнію другихъ это реальная унія, по мнѣнію третьихъ это личная унія» (311 стр.). Мы думаемъ, что это не убѣдительно, хотя, конечно, въ *данномъ случаѣ* для *русскаго* ученаго мнѣніе *иностраннаго* ученаго не обязательно. Вмѣстѣ съ этимъ не можемъ пройти молчаніемъ, что если иностранный ученый разсматриваетъ отношенія Россіи къ Финляндіи, то ему нѣтъ никакой надобности объяснять ихъ «явленіями русской жизни»; онъ долженъ руководствоваться только существующими законоположеніями. Другое дѣло, еслибы иностранный ученый задался цѣлью опредѣлить, почему существуетъ въ Россіи тотъ или иной институтъ, то умѣніе объяснить «явленія русской жизни», для него было-бы необходимо. Здѣсь же приходится опредѣлить отношеніе между одимъ государствомъ (Россіей) и покоренною *частью* (Финляндіей) другого государства (Швеціи). Иностранный ученый, поэтому, долженъ работать не на почвѣ «явленій русской жизни», а на почвѣ международнаго и конституціоннаго права, принимая во вниманіе, какъ его исторію, такъ и догму. Что же касается упрека въ томъ, что въ этихъ отношеніяхъ «сами русскіе не могутъ еще разобраться», то во 1-хъ, русскіе *ученые*, не будемъ перечислять ихъ имена, считаютъ Финляндію инкорпорированною, и только проф. Энгельманъ, проф. Романовичъ-Славатинскій, да еще проф. В. В. Ивановскій, признаютъ между Финляндіей и Россіей существованіе реальной уніи, а во 2-хъ, если

«сами русскіе и не могутъ разобраться», то только потому, что *мудрствуютъ лукаво* и хотятъ непремѣнно найти то, чего на самомъ дѣлѣ и не существуетъ. Выставить реальную унію, какъ тезисъ, легко, но защитить его трудно. Впрочемъ, ни Энгельманъ, ни Романовичъ-Славатинскій вовсе не приводятъ никакихъ доказательствъ въ защиту своей теоріи, аргументы же проф. В. В. Ивановскаго, какъ покажемъ ниже, не убѣдительны.

При отрицаніи авторитета иностранныхъ ученыхъ въ этомъ вопросѣ, проф. В. В. Ивановскій замѣчаетъ, что въ ихъ мнѣніи «нѣтъ единодушія». Такъ-ли это? На самомъ дѣлѣ, изъ иностранныхъ ученыхъ за существованіе реальной уніи высказываются только Геффкенъ и Бри; всѣ же остальные признаютъ Финляндію инкорпорированной. Этого мнѣнія держатся напр., Гольцендорфъ, Оппенгеймъ, Ривье, Бичъ-Лауренсъ и Еллинекъ [2]). Послѣдній ученый прямо говоритъ, что, не смотря на самостоятельность устройства и управленія Финляндіи, она можетъ считаться только за провинцію русской Имперіи, потому что, вслѣдствіе завоеванія, власть Швеціи была замѣнена властью Россіи. «Какъ будетъ управляться новоприобрѣтенная область, пишетъ далѣе Еллинекъ, сохранятъ ли въ ней ея старыя учрежденія всѣ цѣликомъ, или только нѣкоторыя, это вопросъ, касающійся только государственной мудрости»...

Второе положеніе, которое выставляютъ защитники инкорпораціи, это то, что существованіе въ Финляндіи особаго законодательства еще не достаточно для признанія существованія реальной уніи, ссылаясь при этомъ на англійскую Канаду, которая, не смотря на ея широкую автономію, не признается однако за особое государство. «Подобнаго рода сопоставленія, говоритъ проф. В. В. Ивановскій, дѣлаемыя безъ надлежащаго сравненія всѣхъ относящихся сюда законодательныхъ постановленій и существующихъ учрежденій, едва-ли способны пролить сколько нибудь свѣта на разрѣшеніе поставленнаго вопроса. Мы же, съ своей стороны, твердо держимся того мнѣнія, что каждая страна, имѣющая свое особое законодательство и особыя законода-

---

2) См. по поводу статьи проф. Георга Еллинека „О государственныхъ фрагментахъ“ (Гейдельбергъ, 1896) статью Д. В. Философова „Финляндія и Россія“ въ Сборникѣ Правовѣдѣнія и общественныхъ знаній М. 1898 г. т. VIII, стр. 61—86.

тельныя учрежденія, т. е. вмѣстѣ съ тѣмъ и особый порядокъ изданія законовъ, является несомнѣнно и особымъ государствомъ» (311 стр.).

Тамъ же, по мнѣнію автора, гдѣ существуетъ два законодательства и двѣ системы законодательныхъ органовъ, тамъ, очевидно, существуетъ двѣ верховныя власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ и два особыхъ государства. Какова бы ни была автономія Канады, она не можетъ возвыситься до законодательства, потомучто въ Англіи только одна верховная власть «The King in Parliament», а слѣдовательно, и и одно только законодательство, осуществляемое совмѣстно парламентомъ и носителемъ королевской власти. Отсюда можно сдѣлать такой выводъ: если Канада пользуется самостоятельной законодательною властью, то она самостоятельное государство, но такъ какъ de facto нѣтъ Канадскаго государства, то слѣдовательно, у нея нѣтъ и права на законодательную власть. Мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, что у Канады нѣтъ законодательной власти. Правда, актъ присоединенія 1867 г. говоритъ, что парламентъ Канады, а таковой тамъ существуетъ, не пользуется правомъ измѣнять конституцію Канады. Это послѣднее положеніе смягчается однако тѣмъ, что канадскому парламенту дается право, въ соединеніи съ провинціальнымъ законодательнымъ учрежденіемъ, измѣнять свою конституцію для того, чтобы достигнуть единообразія въ законахъ провинцій Канады.

Итакъ, самостоятельнымъ законодательствомъ Канада пользуется. Ученіе же проф. В. В. Ивановскаго объ абсолютно-деспотической власти «The King in Parliament» находится подъ сильнымъ вліяніемъ Блэкстона, которое не во всѣхъ случаяхъ выдерживаетъ критику. У проф. А. Д. Градовскаго [3]), напр., приводится примѣръ, иллюстрирующій положеніе дѣла. Однажды, *англійскій* парламентъ задумалъ установить произвольные сборы не въ Англіи, но въ ея американскихъ колоніяхъ; послѣднія сослались на основные законы Англіи, въ силу которыхъ установленіе налоговъ принадлежитъ правительству; въ виду же того, что американскія колоніи не имѣютъ представителей въ англійскомъ парламентѣ, то послѣдній и не имѣетъ

[3]) Государств. право важнѣйшихъ европ. державъ, Спб. 1895 г. стр. 5.

права располагать имуществомъ колоній. По теоріи же проф. В. В. Ивановскаго англійскій парламентъ могъ ввести эти налоги. Очевидно, что верховной англійской законодательной власти приходится считаться и съ волею и желаніями и правами народа и поступаться иногда своими верховными прерогативами. Впрочемъ, иначе и поступить въ данномъ случаѣ невозможно. Не думаемъ, чтобы постановленія англійскаго парламента могли всегда удовлетворительно разрѣшать вопросы, возникающіе въ колоніяхъ и для нихъ только существенные. Англійскій парламентъ прекрасно понимаетъ, что мѣстные вопросы, разрѣшаемые только законодательнымъ путемъ, могутъ быть разрѣшены именно мѣстною законодательною властью, т. е. въ данномъ случаѣ мѣстнымъ парламентомъ. Неудивительно поэтому, что къ настоящему времени въ 9 англійскихъ колоніяхъ существуетъ не только народное представительство, но и само управленіе находится въ рукахъ министерства, отвѣтственнаго передъ мѣстнымъ парламентомъ [4]). Оставимъ однако пренія о «The King in Parliament». Итакъ, въ Канадѣ есть *свой* парламентъ, состоящій изъ сената и палаты общинъ, который и осуществляетъ законодательную власть, санкціонированіе актовъ которой принадлежитъ королевѣ Викторіи. Генералъ-губернаторъ Канады назначается королевой и управляетъ при участіи министровъ, отвѣтственныхъ предъ канадскимъ парламентомъ. Канада имѣетъ свои доходы, включая и таможенные [5]), свои государственные долги, свою монетную единицу и свою милицію. Слѣдовательно, защитники инкорпораціи Финляндіи, приводя въ примѣръ Канаду, не являющуюся самостоятельнымъ политическимъ цѣлымъ, но пользующуюся однако законодательной автономіей, совершенно правы. Канада даже болѣе самостоятельна, чѣмъ Финляндія но вмѣстѣ съ тѣмъ за отдѣльное государство она не считается [6]). Представимъ себѣ, что примѣръ Канады не убѣждаетъ насъ. Въ такомъ случаѣ можно сослаться на государственный строй Исландіи.

---

[4]) Коркуновъ, сравнит. очеркъ госуд. права иностран. державъ. Спб. 1880 г., стр. 56.

[5]) Законы таможенные и акцизные могутъ быть измѣнены парламентомъ Канады; см. The British North America Act. ст. 122 и др.

[6]) Нѣкоторые считаютъ Канаду, вслѣдствіи ея особой самостоятельности, даже за федеративную республику (см. Munro, The Constitution of Canada), которая все-таки составляетъ владѣніе англійской короны.

Датскій законъ 2 Янв. 1871 г. о конституціонномъ положеніи Исландіи говоритъ, что Исландія является частью, не отдѣлимою отъ датскаго королевства, но пользуется частными привилегіями (ст. 1). По конституціонному же закону, (5 янв. 1874 г.) Исландія имѣетъ *свое* законодательство и свою спеціальную администрацію; законодательная власть принадлежитъ совмѣстно королю и Альтингу (Althing—сеймъ), власть исполнительная—королю, а судебная власть—суду (ст. 1). Этотъ же законъ ст. 2-ю постановляетъ, что королю принадлежитъ высшая власть по всѣмъ вопросамъ самоуправленія Исландіи, кромѣ ограниченій, указанныхъ настоящей конституціей; власть эта осуществляется при посредствѣ министра Исландіи. Верховная же мѣстная власть ввѣряется подъ отвѣтственностью министерства правителю (Landshöfding), назначаемому королемъ, и имѣющему резиденцію обязательно въ самой странѣ. Итакъ, во главѣ правленія стоитъ «gouverneur», имѣя при себѣ помощника, при чемъ автономія осуществляется при посредствѣ Альтинга, который собирается каждые два года и составляется изъ 2-хъ палатъ—верхней и нижней. Самостоятельному вѣдѣнію Исландіи подлежатъ слѣдующіе вопросы по управленію: 1) право гражданское и уголовное, управленіе юстиціей гражданской и уголовной; при этомъ, однако, высшій судъ, въ качествѣ послѣдней инстанціи для тяжбъ между исландцами, не можетъ быть организованъ безъ участія верховной законодательной власти монархіи; 2) полиція; 3) вѣроисповѣданіе и народное просвѣщеніе; 4) медицинскія учрежденія; 5) общинныя установленія и общественная благотворительность; 6) надзоръ за путями сообщенія и мѣстная почта; 7) земледѣліе, рыболовство, торговля, мореплаваніе и прочія другія промышленности; 8) прямые и косвенные налоги и 9) общественные фонды (art. 3, Loi danoise). Самостоятельность Исландіи, какъ оказывается, куда полнѣе финляндской. Что касается отношенія короля къ Альтингу, то оно таково: король созываетъ Альтингъ, но имѣетъ право и распустить его до окончанія сессіи; въ этомъ случаѣ король долженъ приступить къ новымъ выборамъ въ теченіи 2-хъ мѣсяцевъ. Альтингъ же въ новомъ составѣ долженъ быть созванъ на слѣдующій годъ [7]). Точно также

[7]) Loi constitutionelle, ст. 8 см. Darest, „Les constitutions modernes“ Paris 1891. v. II, pp. 24—36.

король пользуется правомъ продлить обыкновенную сессію Альтинга, но не болѣе какъ на 4 недѣли (ст. 6). Король представляетъ Альтингу проекты законовъ (ст. 9). Для того же, чтобы резолюція Альтинга, по разсмотрѣніи новаго закона, вошла въ силу, необходимо согласіе короля; въ противномъ случаѣ проектъ закона считается не принятымъ (ст. 10). Конституція, между прочимъ, постановляетъ, что никакой налогъ не можетъ быть установленъ, измѣненъ или повышенъ иначе, какъ на основаніи закона; точно также, никакой заемъ, обязывающій Исландію, не можетъ быть заключенъ датскимъ королевствомъ, и никакая поземельная собственность, принадлежащая государственному имуществу Исландіи, не можетъ быть продана, или отчуждена иначе, какъ въ силу закона (ст. 23). А чтобы проектъ закона могъ быть одобреннымъ, онъ долженъ подлежать троекратному разсмотрѣнію каждой Палаты (ст. 27). Въ заключеніе приведемъ ст. 20 (того же закона), которая гласитъ, что «Альтингъ, обыкновенно, собирается въ Рейкьявикѣ. Въ особыхъ же случаяхъ, король можетъ постановить, чтобы онъ собирался въ другомъ мѣстѣ Исландіи». Все указанное показываетъ намъ, что Исландія имѣетъ собственную законодательную власть, вполнѣ независимую отъ датскаго Риксдага (сейма), и въ то же время она не является самостоятельной политической единицей. Итакъ, теорія В. В. Ивановскаго не подтверждается дѣйствующимъ конституціоннымъ правомъ, а слѣдовательно, и не доказываетъ существованія реальной уніи между Россіей и Финляндіей.

Далѣе, защитники инкорпораціи говорятъ, что реальной уніи нѣтъ мѣста потому, что, во 1-хъ, Финляндія до завоеванія и присоединенія не была самостоятельнымъ государствомъ и даже не пользовалась никакой автономіей, во 2-хъ, что въ Финляндіи не было и особаго финляндскаго сейма, вслѣдствіе чего она и не могла быть присоединена къ Россіи въ качествѣ государства, какъ напр., была присоединена Польша, и въ 3-хъ, что обѣщанія Имп. Александра I сохранить за Финляндіей ея мѣстныя учрежденія и законы еще не составляютъ договорнаго соглашенія двухъ государствъ объ установленіи между ними уніи; это актъ односторонній; между тѣмъ реальная унія предполагаетъ непремѣнно соединеніе, основанное на свободномъ соглашеніи двухъ государствъ. Первые два положенія, а именно,

что Финляндія никогда не была самостоятельнымъ государствомъ, и что она не имѣла до присоединенія къ Россіи особаго *финляндскаго* сейма, проф. В. В. Ивановскій не затрогиваетъ и не затрогиваетъ потому, что никакой нѣтъ возможности опровергнуть этихъ двухъ фактовъ. Конечно, если бы сторонникамъ реальной уніи удалось доказать, что Финляндія когда-либо была самостоятельной и имѣла свой сеймъ, то они не отказались бы отъ этого, но исторіи подъ свою теорію не подгонишь... Что же касается того принципа, что реальная унія предполагаетъ соединеніе, основанное на свободномъ соглашеніи двухъ независимыхъ государствъ, то какъ ни странно, но проф. повидимому, сомнѣвается въ непреложности этого положенія Именно, онъ пишетъ, что сторонники инкорпораціи не допускаютъ реальной уніи, не смотря на обѣщанія Имп. Александра I-го, на томъ основаніи, что «обѣщанія эти лишь односторонній актъ, между тѣмъ реальная унія предполагаетъ *будто бы непремѣнно* соединеніе, основанное на свободномъ соглашеніи двухъ государствъ» (315 стр.): Это «*будто-бы непремѣнно*» ставитъ насъ въ большое недоумѣніе! Вѣдь нельзя же предположить, что проф., читающій лекціи по государственному праву, не знаетъ, что такое *реальная унія?* Впрочемъ, допустимъ, что между Россіей и Финляндіей существуетъ реальная унія, тогда для ея дѣйствительности, какъ договора международнаго, должны быть на лицо условія, соблюденіе которыхъ необходимо для того, чтобы всякій международный договоръ получилъ юридически-законную силу. Практика и *всѣ* ученые такими условіями выставляютъ нижеслѣдующія: «первое существенное субъективное условіе для дѣйствительности международныхъ договоровъ заключается въ томъ, чтобы они были совершены между *государствами* вполнѣ *независимыми*». Второе субъективное условіе «выражается въ требованіи, чтобы онъ былъ заключенъ *лицами, уполномоченными обязываться отъ имени даннаго государства* и при соблюденіи порядковъ, существующихъ у него на этотъ случай» [8]). Теперь и поставимъ вопросъ, могли ли существовать эти два необходимыя условія, при заключеніи реальной уніи съ Финляндіей? На это

---

[8]) Мартенсъ Ф., Современное международное право цивилизованныхъ народовъ т. I, стр. 387—388; изд. 1887 г.

надо отвѣтить, что никакой нѣтъ возможности даже и допускать существованія ихъ. Причины тому слѣдующія: во 1-хъ, Финляндія никогда не пользовалась самостоятельнымъ политическимъ бытіемъ. Сначала она, какъ извѣстно, принадлежала Даніи, а затѣмъ Швеціи, отъ которой и отошла къ Россіи. Во 2-хъ, допустимъ, для примѣра, что Финляндія къ 1809 году была самостоятельна, но и тогда она не имѣла бы права заключать договора съ Россіей, потому что Acte d'Union et Sûreté, 1789 г., ст. 1-й предоставилъ право *только королю* «объявлять войну, заключать миръ и вступать въ союзы съ иностранными державами» [9]). Итакъ, въ виду этихъ фактовъ существованіе реальной уніи не возможно. Договоръ Россіи съ Финляндіей на столько же поэтому былъ бы дѣйствителенъ, насколько будетъ юридически дѣйствителенъ договоръ субъекта совершеннолѣтняго съ субъектомъ несовершеннолѣтнимъ. Наконецъ, если и предположить, что Acte d'Union et Sûreté относится *и* къ Финляндіи, какъ къ государству, чего фактически не было, то опять-таки Финляндія юридически въ 1809 г. не имѣла права вступать въ унію потому, что онапримѣнила къ себѣ Acte d'Union et Sûreté, 1789 г., а слѣдовательно и не могла уже передавать того права, которое ею въ 1789 г. было уступлено Швеціи. Существуетъ же принципъ, что право, уже уступленное извѣстному государству, не можетъ быть вновь уступлено другому [10]).

Относительно односторонности акта соединенія скажемъ слѣдующее: проф. В. В. Ивановскій соглашается съ тѣмъ, что разъ Финляндія была завоевана, то она могла быть и инкорпорирована, но Имп. Александръ I, соединяя Финляндію съ Россіей, «рѣшился, по своему личному усмотрѣнію и одностороннимъ актомъ, присвоить Финляндіи особое, отличное отъ Россіи, политическое устройство, при которомъ Финляндія, однако же, остается неразрывно связанною съ Россіей личностью монарха» (315 стр.). По поводу этого возразимъ слѣдующее. Проф. приводитъ часть изъ манифеста, даннаго въ іюнѣ 1808 г., гласящую, что «въ чредѣ народовъ, скипетру россійскому подвласт-

---

[9]) Darest. вышеуказ. соч. v. II, p. 161.

[10]) Мартенсъ. Ф. „Современное международное право цивилизованныхъ народовъ". Спб. 1887 г. т. I, стр. 400.

ныхъ и *единую имперію* составляющихъ, обитатели новоприсоединенной Финляндіи съ сего времени навсегда воспріяли свое мѣсто»... (317 стр.). Съ частью этого манифеста, изъ которой ясно видно, что обитатели Финляндіи съ даннаго момента будутъ находиться въ числѣ народовъ «скипетру россійскому подвластныхъ» и будутъ составлять «единую имперію», приходится считаться. Но такъ какъ, очевидно, что логическій смыслъ этой части манифеста идетъ въ разрѣзъ съ теоріей проф., то ему ничего не остается и дѣлать, какъ только пропустить толкованіе вышеприведенной цитаты. Къ этому прибавимъ и еще, что фраза... «Финляндія, однако же остается не разрывно связанною съ Россіей личностью монарха» (стр. 315), для насъ не совсѣмъ понятна. Если допустить между Россіей и Финляндіей существованіе именно *реальной уніи*, то въ ней, какъ таковой, первенствующее значеніе должно имѣть не личность Императора, и даже не династія, а постоянство и неразрывность соединенія этихъ государствъ. Это положеніе вполнѣ подтверждается и дѣйствующими конституціями государствъ, находящихся между собою въ реальной уніи. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ (Россія и Финляндія) требуется только *общность* носителя верховной власти, центръ же тяжести въ реальной уніи лежитъ въ неразрывности связи обоихъ государствъ. Если же допустить существованіе личной уніи, то центръ тяжести долженъ перейти на носителя верховной власти, потомучто унія эта предполагаетъ соединеніе временное [11]). Исторія подтверждаетъ сказанное. Напр., Германія и Испанія находились въ личной уніи только при Карлѣ V, а Англія и Курфюршество Ганноверское, въ силу общихъ законовъ о престолонаслѣдіи, были въ личной уніи въ теченіи четырехъ царствованій (Георговъ I, II, и III и Вильгельма VI); послѣ смерти Вильгельма VI, вслѣдствіе разногласія англійскихъ и ганноверскихъ законовъ о престолонаслѣдіи, престолъ Англіи заняла Викторія, племянница Вильгельма VI, а ганноверскую корону получилъ, сынъ Георга III, Эрнестъ-Августъ.

Резюмируя сказанное, мы имѣемъ право замѣтить, что тезисъ проф. В. В. Ивановскаго, будто-бы Финляндія «остается *неразрывно*

---

[11]) Постоянная же связь обоихъ государствъ, основанная на законѣ, при этой уніи не допускается.

связанною съ Россіей *личностью* монарха», ни съ точки зрѣнія государственнаго права, ни международнаго, не можетъ быть понятъ. Если же допустить правильность юридической и логической его конструировки, то придется признать существованіе реально-личной уніи, каковой въ дѣйствительности не имѣется. Далѣе, приводя замѣчаніе защитниковъ инкорпораціи, что одностороннее волеизъявленіе не составляетъ договорнаго соглашенія двухъ государствъ объ установленіи между ними уніи, проф. полагаетъ, что подобное, хотя и одностороннее со стороны монарха, волеизъявленіе «имѣетъ ту же нравственную силу, какъ и договорное соглашеніе» (стр. 315). Если обѣщаніе монарха и выполняется, то это не значитъ еще, что оно равносильно, по своимъ послѣдствіямъ, договору. Напрасно, поэтому, проф. рѣшается заявить, что и «въ основаніи международныхъ договоровъ лежитъ ничто иное, какъ тоже нравственное начало, ибо исполненіе договора вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія договаривающихся государствъ; отдѣльныя государства, читаемъ далѣе, самостоятельны, одно другому не подчинены, надъ ними нѣтъ власти, которой они обязаны были бы подчиниться; если, поэтому, каждое изъ нихъ исполняетъ договоръ, то только потому, что хочетъ его исполнить, что это для него выгодно или по сложившимся условіямъ цѣлесообразно и необходимо, или, наконецъ, потому, что считаетъ исполненіе договора обязательнымъ съ нравственной точки зрѣнія. Юридическихъ основаній здѣсь нѣтъ, такъ какъ на лицо нѣтъ юридическихъ нормъ, на которыхъ договоръ могъ бы покоиться» (стр. 316).

Такъ какъ мы не можемъ согласиться съ воззрѣніемъ проф. В. В. Ивановскаго, то и приведемъ свои соображенія. Правда, обыкновенно, заключеніе договора зависитъ отъ личной воли государства, но если оно заключило его, то этимъ самымъ оно уже обязывается къ его соблюденію. Принципъ этотъ выраженъ державами на Лондонской конференціи 1871 г. Именно, въ приложеніи къ протоколу 5—17 янв. сказано: «уполномоченные сѣверной Германіи, Австро-Венгріи, Великобританіи, Италіи, Россіи и Турціи, собранные сегодня на конференціи, признаютъ за существенное начало международнаго права, что ни одна держава не можетъ освободить себя отъ обязательства трактата, ни измѣнить его постановленій иначе, какъ съ согласія договаривающихся сторонъ, достигнутаго посредствомъ дружествен-

наго соглашенія»... Если бы нельзя было заставить государство выполнить договоръ, которымъ оно приняло на себя извѣстное обязательство, то нечего было-бы и говорить о существованіи международнаго права. На самомъ дѣлѣ, въ практикѣ международной жизни существуютъ обезпеченія по исполненію договоровъ, напр., гарантія простая, сложная и коллективная, третейскій судъ, реторсія (таліонъ), эмбарго (арестъ государственнаго имущества, или имущества его подданныхъ, другимъ государствомъ), мирная блокада, оккупація и т. д. Все сказанное нисколько не согласуется съ положеніемъ проф. В. В. Ивановскаго. Ошибка его заключается въ томъ, что онъ позабылъ техническое выраженіе: «ubi societas, ibi jus est». Не признавая *правовыхъ* отношеній между государствами, и допуская только какія то *нравственныя* обязанности, придется отказаться отъ существованія самого международнаго права, т. е. отъ правовой жизни государствъ, что, конечно, въ концѣ XIX столѣтія не допустимо. Возвращаясь къ изслѣдуемому нами вопросу, разсмотримъ, при какомъ условіи можетъ быть, напр., нарушена реальная унія между Австро-Венгріей, или Швеціей и Норвегіей. Только при одномъ условіи: именно, въ первомъ примѣрѣ, если Австрія и Венгрія того пожелаютъ, односторонній же отказъ со стороны напр., Венгріи не можетъ юридически нарушить договора. Рѣшеніе этого вопроса будетъ зависѣть отъ послѣдствія войны, которая при этомъ возникнетъ. Далѣе, еслибы Норвегія пожелала имѣть у себя собственнаго короля, то Швеція объявила бы ей войну, исходъ которой и рѣшилъ бы участь Норвегіи.

Итакъ, значитъ и реальная унія, какъ международный договоръ, не можетъ считаться законно нарушенной, вслѣдствіе воли односторонне изъявленной. Представимъ себѣ теперь, что Финляндія оказала бы вооруженное сопротивленіе, еслибы Императоръ пожелалъ лишить ее самоуправленія, при посредствѣ сейма, а распространилъ бы на нее дѣйствіе законовъ, на основаніи которыхъ управляется остальная Россійская Имперія. Было ли бы это нарушеніемъ реальной уніи со стороны Россіи? Конечно, нѣтъ! Не было бы потому, что Россійская Имперія, въ лицѣ своего Монарха, никогда не вступала въ подобный договоръ съ прежней Шведской провинціей, т. е. Финляндіей, а просто на просто получила ее по Фридрихсгамскому мирному трак-

тату (5—17 Сент. 1809 г.) и ввела въ ней, по экономическимъ и политическимъ соображеніямъ, самоуправленіе, которымъ до того времени Финляндія даже и не пользовалась.

Другой примѣръ, еслибы Финляндія пожелала вновь присоединиться къ Швеціи, то подобное *дѣйствіе* со стороны Финляндіи можно было бы разсматривать только какъ возстаніе, и русское правительство приняло бы мѣры противъ населенія Финляндіи, какъ противъ населенія возставшаго. Если же бы Швеція встала на сторону Финляндіи и попыталась бы помочь ей вооруженною силою, то Россія объявила бы войну не Финляндіи, а Швеціи; игнорированіе въ этомъ случаѣ Финляндіи ясно показываетъ, каковы ея отношенія къ Россіи. Теперь разсмотримъ доказательства, которыя приводятъ защитники существованія реальной уніи, на сторону которыхъ становится и проф. В. В. Ивановскій. «Географическое положеніе Финляндіи, пишетъ проф., выдѣлило ея провинціи въ особую группу, носившую съ конца XVI вѣка, даже въ оффиціальныхъ документахъ, наименованіе «Великаго Княжества Финляндіи»; въ этомъ обнаруживались сѣмена независимаго національнаго существованія...»

Къ этому мы сдѣлаемъ маленькую историческую поправку. Именно, проф. на стр. 305 говоритъ, что «Финляндія обязана Швеціи развитіемъ, усовершенствованіемъ земледѣлія, образованія, общественнаго и государственнаго устройства», и къ этому прибавляетъ еще, что «Швеція владѣла Финляндіей въ теченіи болѣе, нежели 400 лѣтъ». Сообщеніе это не совсѣмъ точно. Во 1-хъ, «Великимъ Княземъ Финскіе земли» величался, какъ видно изъ древнихъ актовъ, только Карлъ XI, король шведскій (1660—1697). Сама же финляндская земля не именовалась В. К. Финляндіи, а просто называлась «финской или чухонской землей» (1653 г.); затѣмъ, изъ одного акта, относящагося къ 1592 г., усматривается, что король шведскій въ это время вышеуказаннаго титула не носилъ. Наконецъ, финская земля находилась во владѣніи Швеціи значительно менѣе 400 лѣтъ. Именно, датскій король *Христіернъ* въ 1514 г. именовался «королемъ Дацкимъ и свѣйскимъ и истиннымъ наслѣдникомъ норвѣйскимъ» и т. д. Отсюда можно сдѣлать тотъ выводъ, что во 1-хъ, финская земля не входитъ въ титулъ, а слѣдовательно и разсматривается какъ область Швеціи и, во 2-хъ, что король датскій

считалъ Швецію за страну, принадлежащую Даніи. Въ Швеціи дѣйствительно въ этотъ періодъ короля не было, а былъ только правитель *Стенъ Стуре*, который и возсталъ противъ Даніи; на сторонѣ этого правителя была и Финляндія, очевидно, желавшая освободиться отъ власти датскаго короля и соединиться со Швеціей. Въ 1516 г. однако въ Выборгѣ былъ еще датскій намѣстникъ, а слѣдовательно къ этому времени присоединеніе Финляндіи къ Швеціи не закончилось. Въ 1592 г. Финляндія считается уже вошедшей въ составъ шведской территоріи, но о самоуправленіи ея и объ обособленности финской земли акты ничего не говорятъ. На ряду съ именемъ Карла XI упоминаются «думные люди Свѣйскаго королевства», но о финскихъ совѣтникахъ и рѣчи нѣтъ. Наконецъ, изъ отрывка *Тявзинскаго* мирнаго договора, заключеннаго со Швеціей 18 мая 1595 г., при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, усматривается, что финская земля, не именуется «Вел. Княж. Финляндскимъ» и считается частью территоріи шведскаго королевства; именно, въ договорѣ сказано: «а всѣмъ свѣйскимъ подданнымъ изъ всѣхъ мѣстъ, изъ Свѣи, и изъ финскіе земли, и изъ Чюхонскіе земли, безъ задержанья своими кораблями и съ товары ходити въ Ругодивъ» [12])...

Слѣдовательно, этотъ доводъ, приводимый защитниками реальной уніи, не имѣетъ никакого ни историческаго ни политическаго значенія.

Далѣе, тѣже защитники говорятъ, что въ манифестѣ 5 іюня 1808 г. Императоръ Александръ I объявилъ, что, присоединяя Финляндію къ Россіи, *онъ свято будетъ сохранять законы и привилегіи страны*. Мы съ своей стороны не видимъ возможности заключать изъ этихъ словъ Императора, что Финляндія и Россія будутъ находиться въ отношеніяхъ реальной уніи. Императоръ только обѣщаетъ сохранить за Финляндіей то управленіе, на сколько это окажется возможнымъ, которымъ она пользовалась, находясь подъ властью короны шведской. Мы увидимъ ниже, что верховная власть, многое изъ шведской конституціи, которую финляндцы приняли за основные законы, должна была частью совсѣмъ отмѣнить, какъ не

[12]) См. „Памятники дипломатич. сношеній древней Россіи съ державами иностранными“ тт. I, III—VI и „Русскіе акты Копенгагенскаго Государственнаго Архива“ Спб. 1897. стр. 1, 8, 17, 299 (въ Русской Историч. Библіотекѣ т. XVI).

соотвѣтствовавшее духу законовъ Россійской Имперіи, частью же измѣнить. Далѣе, еслибы Императоръ видѣлъ въ Финляндіи самостоятельное политическое цѣлое, то онъ не сказалъ бы, что онъ сохранитъ законы и привилегіи *страны*, а назвалъ бы Финляндію «государствомъ» или «княжествомъ». Ни одна, даже самая незначительная территорія, пользующаяся самостоятельнымъ бытіемъ, въ политическомъ актѣ не можетъ быть названа *страною*, а всегда носитъ наименованіе, принадлежащее ея рангу. Наконецъ, какъ можно приводить эти слова Императора въ защиту существованія реальной уніи, когда въ томъ же самомъ манифестѣ Александръ I заявилъ, что «въ чредѣ народовъ, скипетру россійскому подвластныхъ и *единую имперію* составляющихъ, обыватели новоприсоединенной Финляндіи съ сего времени навсегда воспріяли свое мѣсто»... Смыслъ этой части манифеста совершенно ясенъ: всѣ народы, подвластные русскому монарху, составляютъ единую имперію, а въ *чредѣ* этихъ народовъ «обыватели новоприсоединенной Финляндіи навсегда воспріяли свое мѣсто». Слѣдовательно, финляндцы приравниваются ко всѣмъ народамъ, которые находятся подъ скипетромъ россійскаго монарха, и которые составляютъ такимъ образомъ *единую Имперію*. При чемъ же здѣсь теорія «Русской-Финляндской Имперіи?...» Далѣе, проф. В. В. Ивановскій, защищая самостоятельность Финляндіи, говоритъ, что «Александръ I началъ переговоры съ финляндцами еще до окончанія войны съ Швеціей, т. е. когда Финляндія не была еще закрѣплена съ Россіей». Если мы этотъ фактъ и допустимъ, то окажется, что не только Финляндія не имѣла никакого права вступать въ союзный договоръ съ иностраннымъ монархомъ, но на это не было полномочія даже и у самой Швеціи, потому что право это предоставлялось *только* шведскому королю [13]). Итакъ, и разсмотрѣнный мотивъ не имѣетъ за собою юридической силы.

Слѣдующимъ основаніемъ существованія реальной уніи выставляется то обстоятельство, что открытіе и закрытіе сейма, какъ въ Борго, такъ и нѣкоторыхъ другихъ, производилось *лично императорами*, а нынѣ производится генералъ-губернаторомъ, въ каче-

---

[13]) Darest указан. соч. v. II, Acte d'Union et Sûreté, art. 1.

ствѣ представителя монарха. На нашъ взглядъ это ничего не говоритъ. Дѣло въ томъ, что этотъ обычай заимствованъ изъ шведской конституціи, гдѣ король открываетъ и закрываетъ сессіи Риксдага. Нельзя выставлять этого обычая въ защиту реальной уніи потому, что кому же больше открывать и закрывать финляндскій сеймъ, какъ не носителю верховной власти, той власти, которая и дала финляндцамъ сеймъ и вообще автономію. Если же, предположимъ, сеймъ открывался бы и закрывался не генералъ-губернаторомъ, а президентомъ напр., изъ дворянскаго сословія, то тогда защитники Финляндскаго государства и это бы обстоятельство выставили, какъ показатель политической независимости Вел. Княж. Финляндскаго. Къ этому скажемъ еще и слѣдующее: никто, конечно, не считаетъ Исландію за политическое цѣлое, состоящее съ Даніей въ реальной уніи, однако и тамъ наблюдается тоже самое. Именно, сессія Альтинга открывается и закрывается, отъ имени короля, правителемъ Исландіи, представляющимъ собою высшую мѣстную власть. Наконецъ, этотъ правитель можетъ быть назначенъ королемъ даже и изъ коренныхъ жителей острова, что усматривается изъ ст. 34 исландской конституціи, которая говоритъ: «правитель или замѣститель его не имѣютъ права вотировать, если они въ тоже самое время *не* члены Альтинга». Преимущество Исландіи передъ Финляндіей въ этомъ отношеніи очевидно, но вмѣстѣ съ этимъ оно не ставитъ Исландію въ положеніе самостоятельной политической единицы.

Далѣе, проф. В. В. Ивановскій въ своемъ курсѣ говоритъ, «15 марта 1809 года Императоръ Александръ I подписалъ объявленіе жителямъ Финляндіи, которымъ онъ желалъ подтвердить права и привилегіи, коими пользовались финляндцы по *конституціи*». Къ этому надо бы прибавить по *конституціи шведской*, потому что у финлянцевъ *собственной—финляндской* конституціи не было, такъ какъ они были подданными Швеціи. Вмѣстѣ съ этимъ не лишнимъ будетъ отмѣтить, что въ этой конституціи (1772 г.) ни разу не встрѣчается наименованіе «финляндецъ» или «финляндскій»; о финляндцахъ, какъ о таковыхъ, не упоминается потому, что шведское правительство смотрѣло на нихъ, какъ на шведовъ. Подобная политика шведскаго правительства, и совершенно правильная, доба-

вимъ отъ себя, лишаетъ вышеприведенный аргументъ, на который ссылаются защитники реальной уніи, всякаго основанія.

Выставляется также въ защиту самостоятельности Финляндіи и то обстоятельство, что «Императоръ Александръ I объявилъ *независимость бюджета* Финляндіи»... Однако, всѣмъ занимающимся конституціоннымъ государственнымъ правомъ хорошо извѣстно, что *независимость* бюджета не есть признакъ самостоятельнаго политическаго бытія. Примѣрами могутъ служить независимость бюджета въ Канадѣ и Исландіи.

Ссылаются также и на то, что, во 1-хъ, «въ рѣчи, при закрытіи сейма въ Борго, Императоръ упоминалъ о *политическомъ существованіи* финляндцевъ и *ихъ свободѣ*», и во 2-хъ, что «въ манифестѣ 15 марта 1810 года императоръ заявлялъ: «мы рѣшились управлять ею *какъ свободнымъ народомъ и пользующимся правами обезпеченными въ его конституціи*»... и далѣе, «всѣ акты, изданные до сихъ поръ для внутренняго управленія страны... должны удостовѣрить финскій народъ *въ его правахъ политическаго существованія*». По поводу этихъ пунктовъ защиты реальной уніи скажемъ слѣдующее: императоръ потому говорилъ о *политическомъ существованіи* финляндцевъ, что онъ предоставилъ имъ право продолжать пользоваться той шведской конституціей, по которой они, до присоединенія къ Россіи, осуществляли свои *политическія права*, какъ граждане конституціонной Швеціи. Предоставивъ же имъ пользоваться конституціей, Александръ I не могъ уничтожить *политическаго существованія* финляндцевъ, такъ какъ съ уничтоженіемъ его дарованная конституція потеряла бы всякое значеніе. Всякая конституція, равно какъ и шведская, снабжаетъ своихъ гражданъ *политическими правами*, а вслѣдствіе этого и *политическимъ существованіемъ*. Уничтожить послѣднее—значитъ уничтожить конституцію. Что же касается мысли, скрытой въ выраженіи «Мы рѣшили управлять ею, *какъ свободнымъ народомъ*», то она, на нашъ взглядъ, совершенно ясна и только сторонники Русско-Финляндской Имперіи въ словахъ *какъ свободнымъ народомъ* могутъ видѣть намекъ Александра I на заключеніе союза съ Финляндіей. Не проще-ли слова Императора понимать прямо, имѣя въ виду, что въ 1810 г. въ Россіи существовало

еще крѣпостное право, и поэтому многомилліонное населеніе Россіи, состоящее изъ крѣпостныхъ, управлялось какъ таковое; въ Финляндіи же крѣпостного института не было, вслѣдствіе чего Александръ I и могъ обѣщать ея населенію управлять имъ, какъ народомъ *свободнымъ*, которому верховная власть кромѣ того предоставила пользоваться правами, обезпеченными его прежней конституціей. Наконецъ, будетъ-ли понятно это выраженіе, если подъ *свободой* мы будемъ подразумѣвать *политическую свободу?* Какъ можно *управлять свободнымъ народомъ* — не есть ли это абсурдъ? Управлять можно только народомъ, состоящимъ изъ *подданныхъ*, а отнюдь не изъ *свободныхъ*. Если бы Финляндія была *свободна*, то Россія *не управляла бы* Финляндіей. Думаемъ, что примѣнять толкованіе сторонниковъ реальной уніи, значитъ искажать смыслъ манифеста 1810 года.

Относительно того, что «Гельсингфорсъ былъ объявленъ *столицей* великаго княжества», полагаемъ, что и этотъ фактъ не говоритъ за реальную унію. Ст. 3-я органическаго закона (3—15 апр. 1869 г.) о Финляндскомъ сеймѣ читается такъ: «ландтагъ собирается въ столицѣ страны; если же непріятельское вторженіе или какое-нибудь другое серьезное препятствіе сдѣлаетъ его мѣстопребываніе не возможнымъ или опаснымъ для представителей, то въ этомъ случаѣ Императоръ и Великій Князь назначаетъ для собранія ландтага другое мѣсто внутри страны» [14]). Наименованіе Гельсингфорса *столицей* не достаточно для того, чтобы признать Финляндію за государство. Имѣла ли Финляндія когда-либо столицу? Нѣтъ. Оставалась ли она и безъ столицы княжествомъ? Слѣдуетъ отвѣтить утвердительно. Значитъ дѣло не въ томъ, какъ будетъ называться городъ, гдѣ собирается сеймъ. Допустимъ, что, когда Финляндія отошла къ Россіи, Александръ I призналъ ее за государство самостоятельное, но онъ однако ни одному ея городу тогда же не далъ титула столицы. Гельсингфорсъ, какъ бы онъ не величался, никогда *столицею* въ международномъ отношеніи признанъ быть не можетъ — это ни болѣе ни менѣе, какъ только административный центръ. Если же бы Гельсингфорсъ дѣйствительно былъ признанъ сразу столицею, въ качествѣ резиденціи Императора и Великаго Князя, то тогда бы Conseil de

[14]) Тамъ же pag. 165, art. 3.

ou vernement (Regeringsconseil), учрежденный въ 1809 году, долженъ былъ бы находиться въ *столицѣ*. На самомъ же дѣлѣ этого не было. Даже, когда Conseil de gouvernement въ 1816 г. былъ преобразованъ въ Сенатъ, по послѣдній засѣдалъ въ Або, и только въ 1817 г. мѣстопребываніе его перевели въ Гельсингфорсъ. Наименованіе же Гельсингфорса *столицею* было просто политическою неосторожностью, которою и воспользовались какъ финляндцы, такъ и сторонники реальной уніи.

Прекраснымъ же образцомъ политической осторожности въ этомъ отношеніи можетъ служить Данія. Данія дала полнѣйшую автономію Исландіи, тоже указала, гдѣ долженъ собираться альтингъ, но г. Рейкьявика не назвала столицею; ст. 20-я просто на просто говоритъ: «мѣстомъ собранія альтинга обыкновенно служитъ Рейкьявикъ; въ особыхъ же случаяхъ король можетъ постановить, чтобы онъ собирался въ другомъ пунктѣ Исландіи» [15]). Какъ эта статья напоминаетъ ст. 3-ю органическаго закона о финляндскомъ сеймѣ за исключеніемъ, конечно, только того, что Данія не назвала Рейкьявика *столицею*, каковымъ онъ, какъ и Гельсингфорсъ, никогда не былъ. Мы полагаемъ, что и сами Финляндцы были очень удивлены, когда у нихъ появилась *столица*. Еслибы можно было спросить финляндцевъ, жившихъ напр., въ 1807 году, какой городъ они называютъ своею столицею, то всякій-бы изъ нихъ, не задумываясь, отвѣтилъ: *Стокгольмъ*, и онъ былъ бы правъ!...

Наконецъ, приведемъ цитату изъ рѣчи Александра II, произнесенную имъ, при открытіи (18 сент. 1863 года) сейма въ Гельсингфорсѣ, такъ какъ защитники реальной уніи, а съ ними и проф. В. В. Ивановскій, ссылаются на нее въ доказательство истинности своего ученія. Именно, Александръ II, между прочимъ, говорилъ, что «многія постановленія *основныхъ законовъ великаго княжества* не примѣнимы болѣе къ положенію вещей послѣ *соединенія его съ имперіей*... Я имѣю намѣреніе изготовить *проектъ закона*... а затѣмъ предложить его разсмотрѣнію сейма... *Сохраняя принципъ конституціонно-монархическій, укоренившійся въ нравахъ финскаго народа и характеризующій всѣ его законы и*

---

[15]) Тамъ же pag.30, art. 20.

учрежденія, Я хочу, чтобы въ этомъ проектѣ было допущено болѣе широкое, чѣмъ то, коимъ нынѣ пользуются сословія, право регулировать взиманіе налоговъ, равно и право поправокъ, имъ прежде принадлежавшее, сохраняя однако за Собою право инициативы во всѣхъ вопросахъ, касающихся измѣненія *основнаго закона*... Ни одно изъ Моихъ дѣйствій не могло поколебать единенія, долженствующаго царствовать *Между государемъ и народомъ*. Желаю, чтобы это согласіе продолжало быть, какъ и прежде, залогомъ добрыхъ отношеній, *соединяющихъ меня съ храбрымъ и лойяльнымъ народомъ финляндскимъ* [16]). Перечитывая этотъ отрывокъ приходится только удивляться хитроумію финнофиловъ и ученыхъ, трактующихъ о Русско-Финляндской Имперіи. Если извращеніе смысла этой рѣчи, при ея толкованіи, простительно финнофиламъ, то профессору государственнаго права этого простить нельзя! Повидимому, проф. В. В. Ивановскій здѣсь не при чемъ, онъ только приводитъ этотъ отрывокъ, на который ссылаются сторонники сепаратизма Финляндіи. Но это только повидимому, потомучто мы уже видѣли, что профессоръ — сторонникъ реальной уніи. Значитъ, и онъ также понимаетъ этотъ отрывокъ, какъ напр., г. Мехелинъ; въ противномъ случаѣ проф., чуждаясь «всякой политики», какъ самъ онъ заявляетъ, разсмотрѣлъ бы этотъ вопросъ (т. е. финлядскій), исключительно съ научной точки зрѣнія, преслѣдуя «исключительно интересъ науки»... Мы не смѣемъ допустить, что проф., а слѣдовательно и ученый, не замѣтилъ изъ этого отрывка рѣчи невозможности далѣе поддерживать финляндцевъ-сепаратистовъ. Прежде всего, еслибы Александръ II измѣнилъ *основные законы*, безъ совѣщанія съ сеймомъ, то онъ уже этимъ однимъ уничтожилъ бы конституцію, потому что обсужденіе *проекта* закона предоставляется ею сейму, т. е. народнымъ представителямъ. Уничтожить же конституцію Императоръ не хотѣлъ. Далѣе, указывая на необходимость измѣнить многіе основные законы великаго княжества, вслѣдствіе того, что они болѣе непримѣнимы послѣ «*соединенія его* (т. е. княжества) *съ имперіей*», Александръ II высказалъ намѣреніе изготовить проектъ новаго закона. Въ словахъ «*послѣ соединенія его съ имперіей*» видятъ указа-

[16]) Курсивъ принадлежитъ Проф. В. В. Ивановскому.

ніе на реальную унію, но вѣдь не могъ же Императоръ сказать на сеймѣ: «*послѣ завоеванія Финляндіи Имперіей!*» Было ли бы это умѣстно? Предоставляемъ судить сторонникамъ реальной уніи! Итакъ, выраженіе это надо разсматривать только какъ смягченіе дѣйствительности, о которой Монархъ въ рѣзкой формѣ не хотѣлъ выразиться. Самое же существенное заключается въ слѣдующемъ: проф. не обратилъ или не хотѣлъ обратить вниманія на то, что Императоръ сохранилъ «однако за собою право инициативы во всѣхъ вопросахъ, касающихся *основнаго закона*». Дѣйствительно, въ ст. 72-й того же органическаго закона 1869 г. читаемъ: «никакой конституціонный законъ не можетъ подвергнуться измѣненію, толкованію или отмѣнѣ иначе, какъ по инициативѣ Императора и Великаго Князя и съ согласія всѣхъ сословій...» Итакъ, финляндскій сеймъ лишенъ права инициативы, т. е. самаго существеннаго своего права, безъ котораго немыслимо существованіе его, какъ установленія конституціоннаго, въ виду того обстоятельства, что ни одно изъ конституціонныхъ государствъ этого права не лишено. Даже, напр., Исландія, не претендующая вовсе на самостоятельную политическую жизнь, обладаетъ правомъ инициативы. Именно, въ исландской конституціи сказано, что «каждая изъ двухъ Палатъ Альтинга имѣетъ право на предложеніе законовъ и на ихъ одобреніе» (ст. 21). Теперь въ Финляндіи дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Въ 1882 г. сеймъ ходатайствовалъ передъ Государемъ Императоромъ о предоставленіи земскимъ чинамъ права инициативы, котораго по уставу 1869 г. они не имѣли. Государь императоръ нашелъ возможнымъ удовлетворить означенную просьбу, и редакція ст. 51-й устава сейма 1869 г. была принята въ слѣдующей формѣ: «Земскіе чины, сверхъ предоставленнаго имъ предъ симъ права петиціи, впредь имѣютъ право вносить на сеймѣ предложенія объ установленіи, измѣненіи и отмѣнѣ такихъ общихъ законовъ, которые зависятъ отъ совокупнаго рѣшенія Государя Императора и Великаго Князя съ земскими чинами. *Но тѣмъ не менѣе ландтагъ не имѣетъ права инициативы по установленію, измѣненію или отмѣнѣ какого-либо закона конституціоннаго или, законовъ касающихся организаціи сухопутныхъ и морскихъ, силъ или законовъ о печати*». Отсюда слѣдуетъ заключить, что, не смотря на нѣкоторое расширеніе правъ сейма, пре-

доставленныхъ ему манифестомъ 13—25 іюня 1886 г., онъ все же не можетъ быть названъ самостоятельнымъ и его нельзя сравнивать съ законодательными установленіями конституціонныхъ государствъ. Наконецъ, всякій проектъ Государя Императора, внесенный на разсмотрѣніе сейма, можетъ получить силу закона только въ томъ случаѣ, если проектъ этотъ будетъ одобренъ всѣми сословіями. Однако, практика показываетъ, что рѣшенія финляндскаго сейма не могутъ ограничить верховной власти Россійскаго Императора. Напр., въ 1888 г. сейму былъ предложенъ проектъ о преобразованіи мѣстной сельской полиціи, но одобренія проектъ этотъ не получилъ. Не смотря, однако, на «не одобреніе», проектъ въ 1891 г. получилъ законную силу. Что же отсюда слѣдуетъ? Не ясно ли послѣ этого, какъ верховная власть смотритъ на Финляндію, и можно ли, въ виду ограниченія законодательной власти сейма, говорить о политической независимости Финляндіи! Дѣйствительно, если разсматривать монарха Россійской Имперіи, пребывающимъ по отношенію къ Финляндіи въ положеніи монарха конституціоннаго, то развѣ Императоръ Александръ III могъ бы проектъ, не принятый сеймомъ, возвести на степень закона? Конечно, нѣтъ. Конституціонный монархъ сдѣлать этого не можетъ. Къ этому слѣдуетъ присоединить, что и вообще обособленность Финляндіи начинаетъ уменьшаться, не говоря уже о распространеніи компетенцій министерствъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ на Финляндію, таковое же распространеніе компетенцій замѣчается и по министерству внутреннихъ дѣлъ, а именно по почтовой части. Вопреки теоріи, поддерживаемой проф. В. В. Ивановскимъ, въ постановленіяхъ 1891 г., трактующихъ о единствѣ почтоваго управленія въ Россіи и Финляндіи, прямо указывается, что Финляндія составляетъ *часть* Россійской Имперіи.

Въ заключеніе укажемъ, что проф. за финляндскимъ сеймомъ признаетъ значеніе законодательнаго собранія. «Отрицать это», пишетъ проф., «значило бы отрицать всякое значеніе за Высочайшими манифестами и другими постановленіями, утвержденными Императоромъ» (стр. 314). Допустимъ, что Финляндскій сеймъ дѣйствительно «законодательное собраніе», но, однако, и это не даетъ намъ права поддерживать вмѣстѣ съ проф. стремленій финляндцевъ и финофиловъ къ сепаратизму. Высочайшій рескриптъ, данный 28 февр.

1891 г. генералъ-губернатору Финляндіи, прямо говоритъ: «финляндскій край, состоя съ начала нынѣшняго столѣтія, а въ нѣкоторой его части и ранѣе, въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской, получилъ, по волѣ блаженной памяти Императора Александра I, особый порядокъ внутренняго управленія и Всемилостивѣйшее удостовѣреніе о сохраненіи за нимъ его правъ, преимуществъ, религіи и коренныхъ законовъ... Въ намѣреніи Мои не входитъ измѣнять начала дѣйствующаго въ краѣ порядка внутренняго управленія. Тѣмъ не менѣе несогласованность нѣкоторыхъ постановленій Финляндіи съ общими государственными узаконеніями и недостаточная опредѣленность законоположеній, касающихся отношеній Великаго Княжества къ Имперіи, подаютъ, къ сожалѣнію, поводъ къ превратному пониманію дѣйствительнаго значенія мѣръ, принимаемыхъ въ видахъ достиженія цѣлей, общихъ всѣмъ частямъ Государства Россійскаго. Я надѣюсь, однако, что благоразуміе финскаго народа разсѣетъ это заблужденіе, а правильное пониманіе собственныхъ выгодъ побудитъ его стремиться къ вящему скрѣпленію узъ, связывающихъ Финляндію съ Россіею... Я въ правѣ ожидать отъ преданности Мнѣ населенія Финляндіи единодушнаго содѣйствія къ осуществленію Моихъ предначертаній, клонящихся къ укрѣпленію государственной связи Великаго Княжества съ Имперіею». Если еще и послѣ этого говорить о политической самостоятельности Финляндіи, то не будетъ ли это, говоря словами проф., «отрицаніемъ всякаго значенія за Высочайшими манифестами и другими постановленіями, утвержденными Императоромъ?» Прибавимъ къ этому еще только то, что насъ крайне удивляетъ разсѣянность сторонниковъ реальной уніи, выражающаяся въ томъ, что всѣ они поголовно забываютъ про вышеприведенный рескриптъ Императора Александра III.

Напомнимъ еще нашимъ читателямъ, каковы были отношенія Россіи въ Финляндіи до ея окончательнаго покоренія. Петръ I, во время войны съ Карломъ XII, взялъ шведскую крѣпость Нотебургъ (древній г. Орѣшекъ); послѣ полтавскаго боя, русскимъ войскамъ сдались Выборгъ, Кексгольмъ, Або и Гельсингфорсъ, такъ что въ 1714 г. почти вся Финляндія была въ рукахъ русскихъ. Пораженіе Карла XII привело въ 1721 г. (Авг. 30) къ Ништадскому миру, по которому Россія получила часть Финляндіи съ городами Выборгомъ, Кексгольмомъ и

др. Дальнѣйшее пріобрѣтеніе было сдѣлано при Елизаветѣ Петровнѣ въ 1743 г. На этотъ разъ Россія получила Нейшлотъ, Вильманстрандъ, Фридрихсгамъ и др. Такимъ образомъ, уже въ 1743 г. Россія владѣла, на правахъ завоеванія, половиною всей Финляндіи. Еслибы при Имп. Александрѣ I съ Финляндіей дѣйствительно была заключена реальная унія, то она бы могла распространиться только на ту часть Финляндіи, которая была присоединена къ Россіи при Имп. Александрѣ I. Между тѣмъ, конституцію получила *вся* Финляндія, даже и та часть ея, которая была завоевана Петромъ Великимъ. Не странно-ли, поэтому, говорить о реальной уніи? Часть Россійской Имперіи, за каковую несомнѣнно слѣдуетъ считать пріобрѣтеніе Петра I и Елизаветы въ Финляндіи, вступаетъ при Александрѣ I въ реальную унію съ Имперіей! Очевидно, такого положенія представить себѣ невозможно. Если-же часть Финляндіи, а вмѣстѣ съ нею и вся Финляндія, получила *по волѣ монарха* конституцію, то о реальной уніи и говорить не приходится.

Посмотримъ теперь, на основаніи какихъ законовъ управлялась Финляндія, до ея завоеванія. Оказывается, что въ ней дѣйствовали нормы, извѣстныя подъ именемъ «Формы правленія» (1772 г. Апр. 21) и «Акта Соединенія» (1789 г. 21 февр. и 3 Апр.) Предоставленіемъ Финляндіи права продолжать управляться на основаніи своихъ законовъ Императоры не были стѣснены въ виду того обстоятельства, что законы эти были составлены въ духѣ, свойственномъ почти неограниченной монархіи, возникшей въ Швеціи послѣ государственнаго переворота при Густавѣ III. «Актъ Соединенія» предоставлялъ шведской коронѣ право на законодательную власть въ довольно широкомъ объемѣ, вслѣдствіе чего вмѣшательство національнаго, именно шведскаго, представительства и устранялось безъ большого затрудненія. Такимъ образомъ, хотя Швеція, а съ нею и Финляндія, составной частью которой она была, и имѣла конституцію, однако послѣдняя оставалась въ теченіи многихъ лѣтъ въ видѣ мертвой буквы закона. По присоединеніи Финляндіи, Имп. Александръ I учредилъ въ 1809 г. (Авг. 6—18) Совѣтъ Правленія (Regerings-Conseil), который въ 1826 г. (Февр. 9—21) получилъ наименованіе Сената, при чемъ въ рукахъ его было сконцентрировано правленіе и администрація края. Такой порядокъ управленія продолжался до 1859 г., когда введеніе

реформъ сдѣлалось необходимымъ, въ виду чего Имп. Александръ II и рѣшилъ созвать сеймъ. Указомъ 18 Іюня 1863 г. было постановлено, чтобы 15 Сентября того же года собрался сеймъ изъ представителей всѣхъ четырехъ сословій; сеймъ этотъ сначала былъ организованъ по образу древняго шведскаго Ригсдага,, но такъ какъ органическій законъ о шведскомъ Ригсдагѣ не соотвѣтствовалъ нынѣшнему положенію Финляндіи, то и явилась необходимость внести въ законъ 1772 г. соотвѣтствующія поправки. Новый проектъ закона, внесенный на разсмотрѣніе сейма въ сессію 1867 г., былъ обнародованъ 15 Апр. 1869 подъ именемъ органическаго закона ландтага (Landtdagsordning). Этотъ органическій законъ впослѣдствіи подвергся двумъ измѣненіямъ: во 1-хъ, 20 Марта 1879 г. были измѣнены условія избранія депутатовъ изъ сословія горожанъ, и во 2-хъ, императорскимъ манифестомъ 13—25 Іюня 1886 г. было пожаловано сейму право иниціативы (съ указанными ограниченіями), которымъ онъ до этого года не пользовался. Наконецъ, слѣдуетъ еще указать и на то, что какъ въ «Формахъ Правленія», такъ и въ «Актѣ Соединенія», было отмѣнено много статей, которыя не соотвѣтствовали дѣйствительному положенію Финляндіи. Напр., въ «Формахъ Правленія» (1772 г.) изъ 57 статей было отмѣнено 30 ст. [18]) Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности, все же легко усмотрѣть, играла ли Финляндія во всемъ этомъ роль самостоятельнаго государства, или она только пользовалась тѣмъ, что предоставлялось ей монархомъ Россійской Имперіи. Можно ли и говорить о заключеніи какой то реальной уніи, когда Имперія, въ лицѣ своего Монарха, снабдила Финляндію правами, которыми она подъ скипетромъ шведской короны даже и не пользовалась. Заканчивая критику теоріи, поддерживаемой проф. В. В. Ивановскимъ, приведемъ еще два историческихъ аргумента, говорящихъ противъ этой теоріи. Во 1-хъ, Имп. Александръ I, сохраняя за Финляндіей автономію, смотрѣлъ на нее, какъ на провинцію. Такъ, въ письмѣ своемъ къ Наполеону I, Императоръ, между прочимъ, писалъ, что онъ «объявилъ шведскую Финляндію русской провинціей»,..... и во 2-хъ, въ IV-ой ст. Фридрихсгамскаго мирнаго трактата (5—17 Сент. 1809 г.) говорится, что «*губерніи сіи* [19]) со всѣми

---

18) Darest. указ. соч. т. II, pag. 144—145.

19) т. е. Кюмменегородская, Нюландская, Тавастгуская, Або̀вская съ остро-

жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и островами, а равно ихъ принадлежностями, преимуществами, правами и выгодами *будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединятся*».....

Послѣ всего нами приведеннаго, можно-ли говорить о политической самостоятельности Финляндіи и создавать теорію какой-то Русско-Финляндской Имперіи!.....

вами Аландскими, Саволакская, Корельская, Вазовская, Улеаборгская и часть Западной Ботніи до Торнео.

Цѣна 35 коп.